

Валмянскага прыхода хадзілі на споведзь да ксяндза ліквідаванага Валмянскага касцёла Андрыеўскага.

Чацвёртая група крыніц змяшчае статыстычныя дадзеныя аб колькасці пераведзеных у праваслаўе ў той ці іншай мясцовасці. На патрабаванне мінскага губернатара ў 1876 г. сабраць «негалосным» чынам інфармацыю, яму былі накіраваны справаздачы наконт таго, колькі людзей па Мінскай губерні перайшло ў праваслаўе з уніятаў і каталікоў, хто з іх працягвае наведваць касцёл, а таксама звесткі пра наяўнасць памешчыкаў і ксяндзоў, якія маглі аказваць уплыў на насельніцтва і перашкаджаць пераходу ў праваслаўе. Абапіраючыся на гэтыя рапарта, можна сцвярджаць, што выпадкі непрыняцця праваслаўнай веры не заўжды насілі эпизадычны характар. Напрыклад, прыстаў 4-га стана Рэчыцкага павета паведамляў, што ў яго стане з каталіцызму ў праваслаўе было пераведзена 112 чалавек, і ніхто з іх не спрабуе звярнуцца да ксяндза альбо схадзіць у касцёл, акрамя двух братоў хутара Церабееўка, якія не наведваюць ні праваслаўны, ні каталіцкі храм, бо сцвярджаюць, што ў праваслаўе іх запісалі гвалтоўна [8, арк. 3 адв.].

Па Ігуменскім павеце станавы прыстаў паведаміў, што ў 1867 г. далучана да праваслаўя 1528 чалавек і быў адкрыты праваслаўны Троіцкі прыход, арганізаваны з ліквідаванага каталіцкага касцёла [8, арк. 5 адв.]. Дакладна вядома пра 15 чалавек, звесткі пра якіх атрымаў прыстаў ад мясцовага святара, які ў прыватнай гутарцы паскардзіўся, што ў мінулым годзе пераканаў 29 чалавек не супраціўляцца прыняццю праваслаўя, а гэтых адужаць не можа [8, арк. 6 адв.].

Паводле рапарта прыстава 1-га стана Пінскага павета ад 13.07.1876 г., да праваслаўя было далучана 4165 чалавек (сялян і мяшчан), з якіх 1500 мяшчан мястэчка Лагішын і 565 сялян розных вёсак працягвалі наведваць Пінскі францысканскі касцёл, дзе таемна звярталіся да ксяндза Гілярыя Казлоўскага, каб той прыняў іх на споведзь альбо выканаў неабходныя рэлігійныя таемніцы [8, арк. 22 адв.–23].

Звесткі аб фактычным вызнанні каталіцызму маюцца таксама ў метрычных кнігах, якія складаюць пятую групу крыніц. У іх адлюстравалася традыцыя надання дзецям пры хрышчэнні ў праваслаўе імёнаў рымска-каталіцкай традыцыі. Такую тэндэнцыю можна прасачыць на прыкладзе метрычных кніг царквы ў вёсцы Тонава Слабада [9]. Як ужо адзначалася вышэй, жыхары вёсак Тонава-Слабадскога прыхода вылучаліся доўгатэрміновай упартасцю ў пытанні прыняцця праваслаўя. Нават пасля далучэння, пачынаючы з 1866 г., у метрычнай кнізе з'яўляюцца запісы пра хрышчэнні дзяцей з вёсак Лубеня, Ляўкоўшчына, Русакі, Мешыцы, якія раней былі каталіцкімі. І пры хрышчэнні бацькі называлі сваіх дзяцей як праваслаўнымі і нейтральнымі імёнамі, так і відавочна каталіцкімі: Адам, Дамінік (Дамініка), Юліян (Юліяна), Магдалена, Людвіг, Феліцыян і інш.

Такім чынам, у фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі маюцца разнастайныя крыніцы, якія дазваляюць прасачыць працэс супраціўлення сялянства беларускіх зямель гвалтоўнаму далучэнню да праваслаўя.

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 31410.
2. НГАБ. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 31411.
3. НГАБ. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 32537.
4. НГАБ. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 33386.
5. НГАБ. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 34232.
6. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1919.
7. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 2176.
8. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 3096.
9. НГАБ. – Ф. 886. Воп. 1. Спр. 22.
10. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях, 1864 – лют. 1917 г. / А. Ф. Смалянчук / Бел. гіст. т-ва. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. – 404 с.
11. Токць, С. М. Беларуская вёска ў эпоху змянаў: другая палова XIX – першая трэціна XX ст. / С. М. Токць. – Мінск: Тэхналогія, 2007. – 306 с.

Спичак А. В.

НАГРАЖДЕНИЕ СЛУЖАЩИХ ДУХОВНЫХ КОНСИСТОРИЙ В ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В последние годы с заметным повышением роли Русской православной церкви (далее – РПЦ) в общественной жизни России значительно возрос научный интерес к проблеме статуса православного духовенства после коренной церковной реформы (1700–1917 гг.), когда происходило тесное

сближение государственных и церковных структур. Ученые указывают на наличие подобного сближения и в постсоветское время (поощряемого властью и частью российского общества).

Система наград, существовавшая в Российской империи, неоднократно рассматривалась в публикациях отечественных историков. По мнению Е.В. Зубова, вторая половина XIX – начало XX вв. характеризовались формализацией процедуры представления к наградам, что стало следствием трактовки государственной службы как особого отношения между чиновником и государством [6, с. 13–16]. Исследователей, посвятивших свои работы анализу системы награждения духовенства, однако, немного. Так, А.Н. Лушин рассмотрел вопрос о повышении социального статуса православного духовенства в Российской империи посредством награждения орденом, который доставлял дворянское достоинство, благодаря чему высшее духовенство последовательно включалось в состав российской элиты (Лушин 2013: 37–39). Н.С. Каримова проанализировала практику награждений за служение Церкви высочайшими (государственными) наградами священнослужителей и мирян в Екатеринбургской епархии [7, с. 44–56].

В фонде «Тобольская духовная консистория» ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГАТ) нами обнаружено около 100 дел о награждении духовных лиц Тобольской епархии, в том числе 5 дел о награждении служащих Тобольской духовной консистории (далее –ТДК) орденами, 1 дело о награждении чинами и 1 дело о награждении деньгами из свечных доходов.

В 4 главе «о наградах» 3 тома «Свода законов Российской империи» (1896 г.) говорится, что «верные, истинные слуги Государя и Отечества имеют надеяться на особое Монаршее благоволение и милость» и «ожидать соразмерной заслугам награды». К наградам были отнесены: объявления Высочайших Его Императорского Величества благодарности и благоволения; чины; ордена; назначение аренд; подарки от Высочайшего Его Императорского Величества Имени; единовременные денежные выдачи; звания личного и потомственного почетного гражданства; медали; кафтаны; зачет в действительную государственную службу времени, проведенного в частных занятиях в правительственных и общественных установлениях, в равно времени состояния на государственной службе без права на чинопроизводство; предоставление прав государственной службы лицам, этими правами не пользующимися, несчитание судимости препятствием к наградам и другим преимуществам по службе. К текстам законоположений прилагались списки наград, испрашиваемых за служебные и неслужебные отличия, за благотворительную и общепользующую деятельность, а также форма послужного списка [9, с. 117–118, 171–174, 176].

21 ноября 1905 г. канцелярия обер-прокурора Синода отправила в ТДК циркулярный указ, в котором сообщалось о видоизменении и дополнении форм указанных кратких списков. В письме епископу велелось «сделать распоряжение по учреждениям вверенной» ему епархии, «чтобы прилагаемые к представлениям о чинопроизводстве и о наградах краткие списки составлялись в строгом соответствии» с утверждённой формой [5, л. 6].

Духовная консистория являлась присутственным местом, осуществляющим управление и духовный суд в епархии и находившимся под непосредственным начальством епархиального архиерея. Структурно консистория подразделялась на присутствие, включавшие членов консистории, и канцелярию [8, с. 167]. Анализ архивных материалов позволил выяснить, что служители ТДК во второй половине XIX – начале XX вв. награждались чинами и орденами св. Анны, св. Владимира и св. Станислава, причем чаще всего последним, а также деньгами.

Дело «О награждении секретаря Тобольской духовной консистории В. Лебедева орденом святой Анны 3 степени» 1860 г. начинается с доклада и отчета «о движении дел и порядке в делопроизводстве» и о приведении в порядок документов и дел секретарем ТДК за 1 ноября 1860 г. В протоколе собрания ТДК от 29 ноября сообщается, что «всякий благонамеренный и полезный труд не должен быть оставлен без должного вознаграждения, и дабы поощрить и на будущее время к достойной деятельности лиц, оказавших заслуги в приведении в порядок запущенных консисторских дел» ТДК попросила архиепископа ходатайствовать пред обер-прокурором Синода о награждении секретаря В. Лебедева орденом св. Анны «за отличные заслуги» на основании законодательства, а столоначальников Малинина и Нисковского (вторая фамилия указана неразборчиво, имена не указаны), архивариуса П. Пудовикова, приходо-расходчика В. Лебедева – двойными окладами жалования. От решения о награждении В. Лебедева 29 ноября 1860 г. до вручения ему грамоты на орден 11 июня 1863 г. прошло более трех

лет, что свидетельствует о крайней длительности процедуры поощрения лиц духовного ведомства в синодальный период [2, л. 1–42].

Инициатива награждения секретаря консистории могла принадлежать и самому преосвященному, судя, например, по делу «О награждении орденами св. Станислава секретаря Тобольской духовной консистории В. Веселовского и учителей Тобольской духовной семинарии П. Самойлова, И. Ловягина, Л. Знаменского» (1893 г.), которое тянулось год и 1,5 месяца [4, л. 1–19].

Следующим по значимости было награждение чинами, когда чиновника повышали в должности следующим чином до выслуги лет. Пример документального сопровождения процедуры такого награждения содержится в «Деле о награждении Тобольской духовной консистории своих служителей чинами и принятии на недостающие места новых служителей» 1767–1768 гг. [1, л. 1–13]

Чиновники канцелярии за службу получали денежное вознаграждение, которое складывалось из 1) жалования, 2) столовых денег, 3) экстраординарных консисторских сумм, причем жалование составляло две трети годового содержания, а столовые деньги – одну треть. Дополнительные выплаты из консисторских сумм осуществлялись на усмотрение епархиального начальства [8, с. 169].

Ежегодно Синод выделял из свечной прибыли, собранной в епархиях, часть средств и отправлял в духовные консистории вместе с сопроводительным письмом. Так, хозяйственное управление при Синоде (стол 1, отделение 2) известило тобольского архиепископа Варлаама II об отчислении из свечной прибыли 1862 г. 11.900 руб. на награды чиновникам духовных консисторий и о том, что Синод «признал справедливым распределение наград консисторским чиновникам из всемилостивейше назначенной суммы применяясь к тому, в каком количестве в каждой епархии увеличился свечной сбор в продолжение 1860 года». Это письмо, составленное в форме трафарета, было отправлено 1 сентября 1864 г. во все епархии, а имена епископов и сумму для конкретной консистории (тобольской епархии выделили 475 руб.) вписывали от руки. ТДК фиксировала в журнале (в выписке – протоколе) факт получения названного отношения Синода и денег 1 сентября 1864 г., приказала приходо-расходчику записать средства как приход в книгу о разных суммах и хранить до особого распоряжения. Для раздачи наградных денег велелось составить расписание суммы и распределить сумму согласно распоряжению преосвященного. После раздачи денег о решении архипастыря приказывалось уведомить обер-прокурора. 9 сентября ТДК доложила епископу о составлении расписания суммы. Больше всех денег выделили секретарю В. Лебедеву – 125 руб., помощнику секретаря – 66 руб., четверем столоначальникам – 40–65 руб., приходо-расходчику – 60 руб., исправляющему должность регистратора – 12 руб., двум писцам – по 4,5 руб. и еще двум писцам – по 3,5 руб., потому что последние «частовременно не являлись к занятиям и занимались делами слабо» [3, л. 15].

При раздаче свечных денег ТДК должна была учесть долги некоторых своих служителей перед тобольским попечительством о бедных духовного звания, которое направило об этом письмо 11 сентября 1864 г. Самым бедным оказался бывший секретарь надворный советник В. Лебедев, задолжавший 50 руб. (за повышение в чин), остальные занимали намного меньше – от 5,5 до 15 руб. В общем, не помогли наградные деньги бедному секретарю, о чем он пишет 10 сентября жалостливый доклад архиепископу с просьбой отсрочить выплату за повышение в чине – 42 руб. ТДК 10 сентября указала В. Лебедеву «вывести в расход по книге о разной сумме ... 475 р. серебром в награду чиновникам» и выдать согласно расписанию под расписки, удержав их долги с указанием в статьях расхода. В расписке В. Лебедева указано, что он получил 42 руб. и сразу возвратил их в счет погашения долга. Епископ 24 сентября 1864 г. составил отчет обер-прокурору Синода о разделении свечной прибыли между служителями. Как видно, несмотря на наградную систему РПЦ, чиновникам ТДК не хватало средств, и приходилось брать деньги в долг. Ситуация усугублялась тем, что на такие награды, как ордена и повышения и чине, служителям приходилось платить взнос [3, л. 15].

Стало быть, как следует из материалов ТДК, процедура награждения служителей духовных консисторий насчитывала следующие этапы: 1) получение ТДК инициативного документа с просьбой (предложением) о награждении (это мог быть рапорт самого чиновника, предложение епископа или служителя консистории); 2) запись в журнал консистории и составление выписки в протокол о слушании дела; 3) справки при необходимости; 4) резолюция преосвященного с решением о награждении; 5) при положительной решении – представление епископа обер-прокурору Синода с перечнем положительных качеств и заслуг служителя с приложением формулярного и наградного списков; 6) письмо-ответ из канцелярии обер-прокурора; 7) выдача

награды чиновнику; 8) рапорт преосвященного обер-прокурору о выдаче награды; 9) уплата пошлины за награду; 10) рапорт служителя ТДК об уплате вноса. Процедура часто затягивалась больше чем на год в силу отдаленности ТДК от Синода и избыточного документооборота. К положительным чертам наградного делопроизводства можно отнести унификацию документов, сопровождающих процедуру поощрения, и применение трафаретных форм. Тобольские епархиальные архиереи следили за аккуратным ведением бумаг, исправляли написанные их подчиненными тексты, и нередко велели их переписывать. В архивных делах сохранилось множество черновиков документов, беловые же документы были отправлены обер-прокурору.

1. ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГАТ). Ф. 156. Оп. 2. Д. 1723. Л. 1–13.
2. ГАТ. – Ф. 156. Оп. 11. Д. 674. Л. 1–42.
3. ГАТ. – Ф. 156. Оп. 11. Д. 761. Л. 15.
4. ГАТ. – Ф. 156. Оп. 11. Д. 1630. Л. 1–19.
5. ГАТ. – Ф. 156. Оп. 18. Д. 260. Л. 6.
6. Зубов, Е. В. Кризис наградной системы Российской империи во второй половине XIX – начале XX века / Е. В. Зубов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 23 (161). История. – Вып. 33. – С. 13–16.
7. Каримова, Н. С. Награждение клириков и мирян в Екатеринбургской епархии в XIX – начале XX вв. / Н. С. Каримова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 3 (11). – С. 44–56.
8. Комиссаров, П. А. Кадровый состав Костромской духовной консистории во второй половине XIX – начале XX века / П. А. Комиссаров // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2012. – № 5. – С. 167–170.
9. Свод законов Российской империи. – Т. 3. Свод Уставов о службе гражданской. – Кн. 1. – Устав о Службе по определению от правительства. – 1896.

Долгач Т.В.
МОДЕЛЬ КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ
ПО ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГУБЕРНСКИХ
ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ ПРИСУТСТВИЙ (1861–1903 гг.)

Отмена крепостного права стала одним из важнейших событий истории XIX в. За реформой последовал ряд преобразований во всех сферах жизни общества. Для управления пореформенной деревней создавались местные органы власти – губернские по крестьянским делам присутствия.

Вопросам формирования структуры и деятельности губернских по крестьянским делам присутствий посвящен ряд трудов юристов– современников реформы 1861 г. [4, 5]. Они использовали в своих исследованиях в качестве источников законодательные акты Российской империи и проанализировали широкий спектр документов, которые регламентировали полномочия, кадровый состав и пути формирования органов местной власти. Однако, исследовав правовой механизм формирования губернских по крестьянским делам присутствий, правоведы проигнорировали вопросы деятельности этих учреждений.

Иной базой источников пользовались советские историки. Их, как правило, интересовали документы, проливающие свет на процесс наделения крестьян землей, основные принципы реформы, размеры наделов и повинностей крестьян, сервитуты, положение крестьянских масс, развитие крестьянского движения. Лишь изредка ученые советского периода делали попытки выйти за рамки общей концепции того времени о Присутствиях как о угнетающем и фискальном механизме. Так, изучая правительственный аппарат Российской империи, П.А. Зайончковский предложил свою классификацию источников, разделив их на группы: 1) материалы официального делопроизводства, 2) дневники и воспоминания, 3) статистические материалы [3]. Документы, которые он ввел в научный оборот, стали важным звеном в изучении органов управления крестьянами после отмены крепостного права.

На современном этапе произошли важные изменения во введении в научный оборот и анализе источников, посвященных органам местного управления. Сегодня историки рассматривают и привлекают к исследованию не избранные документы или отдельные группы источников, а комплекс документов по проблеме [14, 15].

Таким образом, анализ документальной базы историографии учреждений по крестьянским делам свидетельствует о постепенном введении в научный оборот новых видов и типов источников, опираясь на которые историки, юристы, общественные деятели, публицисты разных эпох раскрывали некоторые аспекты деятельности губернских по крестьянским делам присутствий. Однако, в настоящее время отсутствует целостное и системное представление о роли и месте губернских по крестьянским делам присутствий в системе управления крестьянами в белорусско-литовских гу-